

Проблема состоит в том, что непрерывно развивающееся общество продуцирует все новые и новые виды техники, многие из которых могут представлять угрозу жизни будущих поколений. Инженерные сообщества не успевают включать в сферу своей практики все появляющиеся технологии. Поэтому необходимо расширение сети добровольных инженерных объединений, которые в перспективе должны охватить все общество. Принципами их станут открытость деятельности, свобода дискуссий, независимая экспертная оценка техники. Инновационная деятельность с непредсказуемым результатом должна быть ограничена или полностью запрещена.

В новых условиях инженерные объединения и сообщества воспринимаются как действенный стабилизатор жизни, как саморазвивающаяся система. Суть инженерных сообществ как саморазвивающейся системы состоит в том, что они сами формируют цели и направление своей деятельности с учетом потребностей научно-технического развития современного общества и с опережающим эффектом. Такие сообщества способны поддержать стабильность и безопасность в обществе и выступить средством социальной саморегуляции инженерной деятельности.

М. М. ЗАВАДОВСКАЯ-САЧЕНКО

МОЙ ОТЕЦ МИХАИЛ ЗАВАДОВСКИЙ

Мой отец — Михаил Михайлович Завадовский — биолог, профессор Московского университета, родился в 1891 г. в Херсонской губернии в семье помещика. Его отец умер, когда папе было всего три года, и мать, Мария Лаврентьевна, осталась с четырьмя маленькими детьми. Старший брат Павел Михайлович впоследствии стал профессором математики Пражского университета, младший — Борис Михайлович Завадовский — биологом, академиком ВАСХНИЛ, сестра — Раиса Михайловна Завадовская — вышла замуж за родственника композитора Римского-Корсакова и носила его фамилию.

После смерти мужа, продав имущество, Мария Лаврентьевна (урожденная Коцюбинская) переехала в Елизаветград. Здесь Михаил Михайлович окончил реальное училище и в 1910 г. поступил в Московский университет.

Наукой он увлекся очень рано. Уже на втором курсе университета много печатался в журналах — публиковал научно-популярные биологические статьи. Это увлечение осталось у него на всю жизнь.

В университете отец слушал лекции зоолога и генетика Н. К. Кольцова, физика П. Н. Лебедева, зоолога М. А. Мензбира и других профессоров, но с первого курса отдавал предпочтение экспериментальной зоологии. Окончив университет, он поступил на работу в лабораторию Н. К. Кольцова при Университете имени А. Л. Шанявского. Годы, проведенные рядом с Кольцовым, дали очень многое в становлении Михаила Михайловича как ученого.

В 1923 г. Михаилу Михайловичу предложили должность директора Московского зоопарка. Должность административная, и он колебался, но возможность создать свою научную лабораторию стала решающим фактором. Лаборатория экспериментальной биологии стала его вторым домом. Отец оказался очень хорошим организатором. За 2–3 года он оборудовал прекрасную лабораторию, которая впоследствии считалась одной из лучших в Европе. В те же годы он, получив от Моссовета землю, начал строить — на пустом месте — новую территорию Зоопарка. Незадолго до того он побывал в Германии, познакомился с зоопарками Гамбурга, Берлина, Нюрнберга, закупил животных для Зоопарка и, как мне потом рассказала мама, на свои командировочные деньги приобрел оборудование для будущей лаборатории. Для строительства новой территории Зоопарка Михаил Михайлович выписал из Герма-

М. М. Завадовский — директор Московского зоопарка (1923–1927 гг.)

нии архитектора Буссиуса, и вместе они проектировали «остров зверей» и вольеры для животных.

Папа считал, что сможет больше сделать для Зоопарка, если сам будет жить на его территории. Мы поселились в доме напротив слоновника, здесь кроме нашей семьи занимали квартиры еще четыре научных сотрудника Зоопарка. Для служащих же было отведено два дома на хозяйственном дворе.

В кабинете у папы, над его письменным столом, висела репродукция картины. На ней была изображена степь, по которой идет слепая женщина с посохом. Мне она напоминала бабушку, папину мать.

Часто вечерами папа работал в лаборатории. Сотрудников он подбирал очень тщательно. Коллектив был дружен, и, мне кажется, папа любил коллег, как свою семью. Большинство

из них отвечали ему тем же. Достаточно сказать, что и после смерти папы больше сорока лет они приходили в наш дом: в день открытия лаборатории, 1-го декабря — в годовщину, которую отец отмечал всю жизнь.

Иногда вечером я шла в лабораторию — к папе. Было уже поздно, но меня не пугал темный Зоопарк. Я проходила мимо клеток с медведем, волком, шакалом, а дальше — тигры... Слышался рык льва, крик павлина, но страшно не было — ведь все это окружало меня с рождения. Я входила в темный подъезд, поднималась по лестнице, — вот тут становилось немного страшновато, — заглядывала в освещенную, огромную, как мне тогда казалось, лабораторию. Несмотря на поздний час, там всегда был народ. Папа стоял с указкой у доски, где были развешаны диаграммы, или работал у себя в кабинете с микроскопом, или в операционной, ярко освещенной синим светом. Был он высокого роста, с копной густых волос на ладно посаженной голове. Носил пенсне или очки. Его сотрудники вспоминали: если Михаил Михайлович прерывал речь или доклад и с улыбкой смотрел куда-то вниз на дверь, это означало, что появилась я с бантом на голове.

Иногда вечерами папа ходил по коридору нашей квартиры, обдумывая, должно быть, какой-то доклад или очередную лекцию в университете. Мы с моей подружкой, которая жила по соседству, садились ему на ноги, одна на левую, другая — на правую, и он, с усилием переступая, продолжал, к нашей большой радости, вышагивать...

Жизнь наша в Зоопарке текла размеренно. За большим столом в столовой мы часто собирались всей семьей и занимались своими делами, не мешая

М. М. Завадовский (третий слева в первом ряду) с сотрудниками лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка в начале 1930-х гг.

друг другу: папа что-то писал, мама с нашей домработницей, которая была уже членом семьи и прожила с нами 30 лет, углублялись в какие-то подсчеты по хозяйству, я делала уроки, а дочь наших соседей (и моя подруга) обедала или ужинала, принеся с собой кастрюльку, чтобы не быть дома в одиночестве. Все это — под огромным абажуром с оранжевой бахромой. Папа любил все яркое, и, когда он купил этот абажур и принес его домой, мама заплакала. Она была рукодельницей, очень хорошо вышивала, даже картины, любила мягкие пастельные тона и, конечно, не удержалась от слез, когда увидела это чудовище.

В один прекрасный вечер папа повел меня показать, как кормят только что приобретенного Зоопарком орангутанга. Большая, просторная вольера была на улице, за лабораторией. Из клетки дверь вела в теплое помещение. Очень крупный орангутанг брал из рук старого служителя банан и моментально съедал. Я впервые видела такую огромную обезьяну и впервые видела банан, и мне очень хотелось его попробовать. Но тогда такие вкусные вещи покупали только для животных.

Однажды папа хотел сфотографировать меня с большим выводком родившихся в Зоопарке львят. Им было уже несколько месяцев, а я была гораздо старше их и смело вошла в клетку. И все было бы хорошо, если бы один из львят не зашел потихоньку сзади и не укусил меня под коленкой. Было очень больно. Мой рев испортил все, и снимка не получилось.

Как-то мы с подругой играли возле папиного кабинета, где он работал. Мы шумели, и моя подруга несколько раз обеспокоенно говорила: «А мы не мешаем Михаилу Михайловичу?» «Нет, что ты!» — отвечала я. Я знала его способность уходить во время работы в свои мысли и не замечать окружающее. Но подругу это не убеждало. И чтобы успокоить ее, я спросила:

«Пап, ты дурак?» В ответ невнятное: «Ммм-да, деточка». «Совсем-совсем?!» — не унималась я. — «Ммм-да, деточка». Теперь нам обeim под 80, и мы вспоминаем этот эпизод с нежностью и грустью.

Спокойная жизнь закончилась для отца с появлением Лысенко. В 1930-е

*М. М. Завадовский — вице-президент
ВАСХНИЛ (1935–1938 гг.)*

годы наука, да и ученые, пережили много испытаний и трудностей. Михаил Михайлович столкнулся с этим одним из первых и первым, по свидетельству Жореса Медведева, вслух сказал о вреде и опасности Лысенко. В то время отец был вице-президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Человек кристальной честности и высокой принципиальности, он никогда не отказывался от своих убеждений и, защищая свои научные воззрения, тем самым защищал и чистоту истинной науки. Начался период борьбы, развернулась травля ученого. Непорядочность Лысенко позволяла многое. За спиной его стоял Сталин, и это объясняет тот цинизм, с которым Лысенко расправлялся со своими оппонентами. Но Михаил Михайлович был бескомпромиссным и умел защищать не только

свои взгляды, научные ценности, но и своих друзей. Со студенческих лет среди них были Александр Сергеевич Серебровский и Сергей Николаевич Скадовский. Впоследствии А. С. Серебровский возглавлял в МГУ кафедру генетики, С. Н. Скадовский — кафедру гидробиологии, а Михаил Михайлович создал там же кафедру динамики развития организма, которой руководил с 1930 г. до сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., когда он, И. Ф. Шмальгаузен и Д. А. Сабинин были уволены из университета, а кафедра папы была уничтожена. Но об этом ниже.

С Серебровским папа познакомился сразу после поступления в университет, на первой экскурсии в Косино. Вот как он пишет об этом в своей книге воспоминаний «Страницы жизни»: «Мое внимание привлек юноша в студенческой шинели, небрежно накинутой на плечи. Сатиновая рубашка была ярко-голубого цвета, на шее — пышный галстук. На смуглом лице, обрамленном темными вьющимися баками, хорошие голубые глаза, поэтически смотрящие

на мир». И далее: «Недели через две после начала занятий Кольцов объявил на своей лекции, что он может организовать практические занятия к своему курсу зоологии... Вместе с Серебровским я поспешил записаться на занятия к Кольцову». Дружба эта продолжалась всю жизнь, до смерти Александра Сергеевича.

Травля, которой подвергся генетик Серебровский, скорее всего, и свела его в могилу раньше времени. Жили мы сравнительно недалеко друг от друга, и папа часто вечерами навещал Александра Сергеевича, а после его смерти и его семью.

Обстановка стала осложняться в конце 1930-х годов. Михаил Михайлович был назван не только вейсманистом-морганистом, не только «врангелевским» профессором, но и пособником врагов народа. Отсюда был один шаг до участи миллионов несчастных, разделивших судьбу Вавилова. Травля велась не только через печать, но даже через суд: отца привлекли к ответу «за опоздание на 5 минут», тогда как в действительности в момент «преступления» он был в отпуске. Суд оправдал его, но сам этот факт папа, человек, никогда не судившийся, пережил очень тяжело.

В предвоенные годы папу не раз вызывали в НКВД, требуя отказаться от своих взглядов. Однажды он рассказал мне о допросе, который происходил в квартире НКВД недалеко от Красных ворот. Дом стоял прямо у железнодорожной линии, под мостом, и каждые несколько минут грохотал проходящий мимо поезд. В конце разговора следователь под этот грохот сказал, что Михаил Михайлович может идти, и у папы возникло ощущение, что сейчас ему выстрелят в спину.

И все же отцу никогда не изменяли порядочность и смелость. Когда в 1937 г. было организовано «дело Тухачевского», во всех учреждениях проходили собрания, одобряющие его расстрел. Состоялось оно и в университете. Весь зал проголосовал за расстрел, и только Михаил Михайлович руки не поднял. На реплику председательствующего — «Не вижу вашей руки, Михаил Михайлович» — папа ответил: «Я не могу одобрить расстрел людей, о деле которых ничего не знаю. Да и разобраться в нем в течение трех дней, думаю, невозможно». Нужно было жить в то время, чтобы понять, чем это могло обернуться для любого человека.

Папа уже с 1938 г. не был вице-президентом ВАСХНИЛ. Он подал прошение об отставке на имя Молотова, который тогда курировал науку. В своем заявлении папа писал о невозможности работать рядом с президентом Академии Лысенко. Ответа не было. Он снова подал бумагу об уходе с поста вице-президента, и снова ответа не было. Тогда он отправился в ЦК партии на Старую площадь. Ему дали телефон, по которому нужно было позвонить снизу. Назвал причину своего прихода, но «сверху» услышал: «Пока вы не измените свои взгляды, с вами никто разговаривать не будет». Вот так.

Папа рассказывал, как на одном из банкетов, которых тогда было много, он сидел рядом с Лысенко. Тот, наклонившись, сказал: «Михаил Михайлович, вчера читал вашу книгу (должно быть, «Динамика развития организма». — М. З.) и пришел в восторг, зачитался. Утром поделился впечатлением с Исаем (Презент. — М. З.), а он мне говорит — вредная книга». Михаил Михайлович

спросил: «Скажите, Трофим Денисович, а в чем ее вредность?» В ответ услышал: «А спросите лучше у Исяя, он вам объяснит».

В 1941 г. началась война. Я помню лицо отца, когда мы, притихшие, слушали сообщение Молотова. Я смотрела на папу. Он стоял у буфета, и по выражению его лица я понимала, что произошло что-то ужасное. Уходя утром на работу, он всегда говорил: «Auf Wiedersehen!». В этот день он сказал: «Ну я пошел, до свидания». И так было потом всю жизнь. С первых же дней войны папа считал, что уезжать из Москвы не нужно, что передвижение в такое время всегда опасно, этому его научила Первая мировая война. Но жизнь распорядилась иначе.

Немцы начали бомбить Москву ровно через месяц после начала войны. Зоопарк бомбили каждый день. Мы не могли понять такого пристрастия, думали, что гладь прудов они принимали за стеклянные крыши заводов. Но уже после войны профессор Калабухов как-то рассказал, что немцы были прекрасно обо всем осведомлены, тем более что их посольство находилось рядом. Бомбежка, оказывается, была вызвана желанием разбомбить клетки хищников и тем самым вызвать в Москве панику. Здание с толстыми стенами на хозяйственном дворе было нашим «бомбоубежищем». Папа с пожарными сбрасывал с крыш зажигалки, тушил огонь. Мы слышали, как волнуются животные, трубят слоны. При прямом попадании зажигательной бомбы загорелся наш дом. Сгорела та его часть, где была наша квартира. Когда все стихло, мы и наши соседи с несколькими чемоданами сидели тут же, напротив слоновника, под большущим стендом с надписью «А успел ли ты застраховать свое имущество?» Мама от волнения взяла в убежище вместо своего пальто старую скатерть и так и держала ее в руках. Мы остались без дома и без вещей. В тот же день мы уехали в ВАСХНИЛ и жили там некоторое время в одном из кабинетов.

В конце сентября 1941 г. ВАСХНИЛ эвакуировалась в Омск. Нам негде было жить, и папа решил ехать в эвакуацию. Товарный состав долго стоял на путях Казанского вокзала, в каждом вагоне были нары на две-три семьи. Наступал вечер, и приближалось время бомбежки — немцы с немецкой аккуратностью соблюдали расписание. Все волновались. И вот на наш товарный поезд посыпались с самолета осветительные ракеты. Вдруг машинист дернул состав, и тот не просто тронулся, а полетел с бешеной скоростью. Было ощущение, что мы разобьемся, но машинист вывел наш поезд из-под бомбежки.

Две недели мы ехали в Омск. Любовались необъятной нашей землей, огромными нетронутыми пространствами, красотой Сибири.

В Омске уже дул холодный ветер, бурлил темный Иртыш. Мы вошли в номер гостиницы... и в изумлении остановились — с картины на стене прямо на нас шагнула слепая женщина с посохом. Это была та самая картина, что висела у папы над письменным столом в Москве! Редкая картина и редкое совпадение...

Мы недолго прожили в Омске. 16 октября 1941 г., когда в Москве началась паника, ушел из нее и Лысенко — пешком, как он сказал папе. Он приехал в Омск, остановился в той же гостинице и попросил папу прийти к нему в номер. Они долго говорили, но о чем, к сожалению, не знаю.

Вскоре Михаила Михайловича пригласили в Алма-Ату, и он с радостью согласился. Ведь метод многоплодия сельскохозяйственных животных, который он разрабатывал, в последние годы перед войной испытывался в основном в Казахстане и Узбекистане.

Мы выехали в Казахстан поздней осенью, плыли на небольшом парходике по Иртышу и дальше по Амударье. Помню сходни на Иртыше в Омске. Бурная черная вода под настилом неплотно прилегающих друг к другу досок. В центре сбитый из тех же досок стол, за которым сидит охранник в теплом кожухе, рядом немецкая овчарка, а на полу, на досках, сколько хватает глаз, лежат, свернувшись от холода, люди в потертых ватниках. Так впервые мы увидели заключенных.

Алма-Ата встретила ярким солнцем, теплом. Город, обрамленный снежными горами, утопал в зелени.

Военные годы были для отца периодом очень плодотворной работы. В Казахстанском филиале Академии наук и казахских совхозах, где он работал, очень высоко оценили его метод многоплодия. Опыт ставился уже на десятках тысяч овец, и это давало стране и фронту дополнительное мясо, шерсть, каракулевые шкурки. Один только совхоз Чамкурган в Узбекистане давал миллионы рублей, а его председатель С. С. Месяцев стал Героем Социалистического Труда.

Папа обрел возможность работать спокойно, которой был лишен уже несколько лет. Его теоретическая работа «Противоречивое взаимодействие между органами в теле развивающегося животного», опубликованная перед самой войной в 1941 г., принесла ему впоследствии признание ученых, в том числе и математика академика А. Ляпунова, как работа, предвосхитившая открытие Н. Винера в кибернетике. Винер сделал свое открытие на основе математики, Михаил Михайлович Завадовский за 10 лет до него — на биологической основе.

Однако во время войны папа считал необходимым заниматься только той проблемой, которая могла дать практические результаты в короткое время. Он очень много ездил по совхозам, консультировал, работал с увлечением. Как он любил эту степь весной! Стада и темные комочки только что родившихся ягнят... Обычно овца приносит одного, а теперь все чаще — двух-трех, иногда четырех, а то и пятерых. Ведь это результат работы его мысли, его труда и труда его коллег. Он гордился своими сотрудниками, которые ездили по совхозам, заготавливали сыворотку, необходимую для метода многоплодия, принимали окот вместе с чабанами. Все это делали в сложных условиях военного времени Ю. Харлампида, Ж. Г. Шмерлинг, Т. А. Детлаф, Е. И. Воробьева и др. Дома отец часто раскладывал на столе карту военных действий и передвигал флажки, радуясь каждому успеху наших войск.

Позже, когда папа был уже не у дел, без лаборатории и без работы, какую радость ему доставляли письма от чабанов и председателей совхозов с отчетами, цифрами и рассказами об успехах! И тем подлее была выходка Лысенко. Юрий Жданов организовал диспут о генетике между приспешниками Лысенко и его оппонентами. Лысенко громил всех, не исключая никого, а потом вдруг заявил: «А что касается Завадовского, то он мне как-то сказал:

“И охота вам, Трофим Денисович, возиться с письмами колхозников?!”». Михаил Михайлович, возмущенный этой нелепостью, крикнул из зала: «Что за чушь! Никогда у нас с вами не было такого разговора!». Но упрек был брошен, и для того времени он звучал как политическое обвинение. Ведь клеймо «врага народа» было главным козырем в борьбе этих мерзавцев с оппонентами.

Между тем «любовь» самого Лысенко к народу находила выражение в таком, например, факте: как-то мы в газете прочитали список лауреатов Сталинской премии — список, поданный Лысенко. Среди прочих награжден был такой-то... «за доставку саженцев дубков к месту посадки»!

Этот «ученый» мог, например, сказать: «В социалистическом обществе нет и не может быть наследственных болезней» («Цитата дня» из «Известий» за 29 декабря 1999 г.).

В своих воспоминаниях Михаил Михайлович писал: «Лысенко был зол, эгоцентричен и сам говорил, что того, кто его раз обидел, он не простит всю жизнь. А я обижал его и словом, и снисходительным отношением, и независимым поведением».

Однажды, уже перед самым возвращением из эвакуации в Москву, папе позвонили в лабораторию Академии наук Казахстана, где он работал, и начальственным тоном попросили приехать в Карагандинский лагерь заключенных — так называемый Карлаг. В то время в страхе перед такими организациями жили все. Даже папа, всегда открыто выражавший свое мнение, тут решил подстраховаться — взять с собой дочь, наивно полагая, что мое присутствие убережет его от задержания и лагерного заключения. Да и я тоже просила взять меня с собой. Вскоре выяснилось, что в лагере была нужна консультация, и администрация, узнав, что в Алма-Ате живет Завадовский, попросила его приехать.

Многоплодие овец в те годы широко применялось. Метод состоял в использовании сыворотки жеребой кобылы (СЖК), благодаря чему овца давала вместо одного трех, четырех, а то и пятерых ягнят. Они быстро догоняли в росте одинцов, а овце при этом не наносилось вреда. Страна получала тонны «лишнего» мяса, шерсти и миллионы рублей, вырученные за каракульские шкурки, проданные в основном за границу. Папа работал в то время над многоплодием коров, а этот метод апробирован был меньше, да и литературы об этом почти не было. Но, как оказалось, Карлаг интересовался именно этим вопросом. Там было, как мы потом увидели, огромное хозяйство. Поздно ночью, проехав на грузовой машине за четыре дня весь Казахстан, мы въехали в Карлаг.

Позже, когда я вышла замуж и уехала к мужу в Германию, я могла сравнить ферму Карлага только с очень богатыми бюргерскими хозяйствами. В лагере были крепкие строения, скотные дворы, красивая высокая водонапорная башня, большая обслуга. Все это чем-то напоминало старые барские усадьбы, описанные в воспоминаниях Бунина, и для нас было внове и непривычно. Как жили заключенные, мы не видели, но папа был приглашен на обед к начальнику лагеря, и мы впервые наблюдали жизнь лагерного начальства. Папа, проживший всю жизнь очень скромно, был удивлен таким изобилием.

Обратно мы ехали вскоре после случившегося побега заключенных с оружием. Наш грузовик долго шел по степи мимо сопок, откуда, как нас предупредили, каждую минуту машину могли обстрелять: было известно, что продукты у бежавших давно кончились.

Это было уже перед самым отъездом в Москву, куда папа возвращался с большой неохотой. Опять преследования, опять травля, а ему так хорошо и спокойно работалось в Казахстане. Впрочем, Лысенко и его приспешники умудрялись и на местах, в совхозах, — всюду, где шла работа по методу Завадовского, говорить о ее вреде. Но там-то знали всему истинную цену и, к счастью, не обращали особого внимания на клевету. А в 1946 г. Михаил Михайлович стал лауреатом Сталинской (теперь — Государственной) премии за работу по многоплодию сельскохозяйственных животных.

В 1943 г. мы вернулись в Москву. Снова спали на столах и диванах — уже в лаборатории университета. По полу ходили белые мыши и крысы. Университет, эвакуированный на время войны, постепенно возобновлял занятия. С приездом отца начала работать и кафедра динамики развития организма. Папа был полон новых идей и планов. Но — снова разгорелась травля.

Вскоре после нашего отъезда из Москвы Лысенко ликвидировал лабораторию экспериментальной биологии в Зоопарке. Тогда она уже принадлежала Институту животноводства, и ему легко было это сделать, так как институт находился в ведении ВАСХНИЛ.

Под предлогом ремонта помещение было разрушено и разграблено. Сотрудникам отменили пропуска в Зоопарк, и они не могли пройти на его территорию и попасть в лабораторию. Все было продумано.

Отец очень тяжело переживал потерю лаборатории. Это было равносильно тому, как если бы экспериментатора лишили рук. Надежда оставалась только на университет.

Папа, наверное, предвидел и собственные муки, когда в своей книге воспоминаний приводил слова Пастера: «Наконец-то у меня есть то, чего я всегда желал — лаборатория, доступная мне в любое время», и далее: «Самые смелые идеи, самые правильные рассуждения только тогда приобретают тело и душу, когда они освящены наблюдением и опытом. Уничтожьте лаборатории, и физические науки явятся воплощением бесплодия и смерти: они представят собой только предметы преподавания, ограниченные и бессильные. Возвратите им лаборатории, и вместе с ними возродится жизнь с ее плодотворностью и могуществом. Без своих лабораторий физик, химик представляют собой солдат без оружия на поле битвы». И Михаил Михайлович добавил: «...писал Пастер, даже еще не подозревая, что и биолог столь же остро нуждается в лаборатории».

...Когда-то, в 1920-е годы, Михаил Михайлович начинал свои исследования в заповеднике Аскания-Нова. Шла гражданская война, и Асканию занимали то белые, то красные. Врангелевские войска собирались разместиться на территории заповедника, солдаты вырезали редких животных, и отцу пришлось обратиться в штаб Врангеля к какому-то чину с просьбой не ставить на постой солдат, и просьба эта была удовлетворена.

В травле все идет в ход. Историю припомнили, и на отца был навешен еще

один политический ярлык — «врангелевский профессор». А ведь Аскания была спасена!

Недавно по телевидению сын Лысенко рассказал о предварительномговоре Сталина с Лысенко. Шел 1948 год. Сталин пригласил Лысенко к себе, сказал, что он знает о двух мнениях в науке, уверил, что мнение Лысенко (да и сам он, конечно) ему ближе. «А двух мнений в науке быть не может», — сказал этот «корифей». Значит, взгляды, которых придерживаются «инакомыслящие» академики, должны быть разгромлены. На что Лысенко, по словам сына, скромно сказал, что ему самому неудобно заниматься ликвидацией своих оппонентов. «Ну, этим займется Маленков», — был ответ. И он занялся.

Начался разгром генетики, который отбросил нашу отечественную науку на сто лет назад.

Тогда невежество победило. Профессора И. И. Шмальгаузен, Д. А. Сабинин, М. М. Завадовский и др. уже были уволены из университета. Трагически сложилась судьба Сабинина. Папе рассказывали, что незадолго до самоубийства кто-то видел Сабинина у стен университета, он гладил их. Это потрясло папу.

Михаил Михайлович был уволен не только из МГУ, но и из Института животноводства. Во дворе института жгли его книги.

Папа не мог участвовать в сессии 1948 года, у него был инсульт. Вскоре после сессии я зашла на кафедру динамики развития. Сотрудники в растерянности говорили мне, что никто из них не решится сообщить моему отцу об увольнении, и просили меня рассказать ему, что произошло. Он жил тогда под Москвой, поправляясь после болезни. Я со страхом поехала. Помню, как старалась я выбирать выражения, чтобы смягчить боль. Но папа был сильным человеком — он лишь очень долго молчал.

А в университете Презент представлял «науку» Лысенко. «Что за динамика развития организма? — грозно вопрошал он. — Не было такой кафедры!»

Когда папе вручали в университете орден Трудового Красного Знамени, его больше всего радовала формулировка «За педагогическую деятельность».

И вот на долгих шесть лет его отлучили от любимой работы.

Отец тяжело переживал бездеятельность. Звонил друзьям, вечерами заходил иногда к Серебровским, часто разговаривал с Линой Соломоновной Штерн. Позднее, когда ее арестовали, всегда справлялся о ней и одним из первых позвонил, когда ее выпустили. Конечно, не верил в «дело врачей». Както с рецептом, подписанным Шерешевским, пошел в аптеку. Провизор со страхом спросила: «А вы не боитесь принимать это лекарство?» Папа в ответ улыбнулся: «Нет, не боюсь». Звонил и Антону Романовичу Жебраку, с которым был в очень теплых отношениях.

Михаил Михайлович начал писать свою книгу воспоминаний от третьего лица. Назвал ее «Жизнь Боева». Сказал, что так ему легче писать о себе. Заменил фамилии всех, о ком говорил. Я думаю, еще и потому, что не надеялся когда-нибудь назвать их своими именами, да и вряд ли думал, что книгу о его жизни можно будет напечатать.

Тогда же отец написал еще одну книгу — «Портреты и зарисовки», с подзаголовком «Пути науки», а одну из глав назвал: «Почему я защищаю генети-

ку». Нужно было жить в те годы, чтобы до конца понять, чем это грозило человеку.

Уже после смерти папы его ученик и друг Леонид Викторович Крушинский писал предисловие — биографию Михаила Михайловича к книге «Механизмы гормональных регуляций и роль обратных связей в явлениях развития и гомеостаза» (М.: Наука, 1981), в которую вошла его теоретическая работа «Противоречивое взаимодействие между органами в теле развивающегося животного». Я помогала Крушинскому что-то вспоминать, и вдруг Леонид Викторович спросил: «А почему не арестовали Михаила Михайловича? Ведь он всегда открыто выступал против Лысенко и в защиту истинной науки!» И сам предположил, что успешная работа в животноводстве как бы защищала его. Крупных зоологов в животноводстве было мало. Я сказала — возможно, скорее случай уберег его, и вспомнила ночь, когда мы все думали, что это арест.

В пять часов утра раздался сильный стук в дверь. Для того чтобы попасть в нашу квартиру в Зоопарке, нужно было пройти через служебный вход, пересечь часть территории, подняться по черной лестнице и вдобавок знать дверь квартиры. Кто-то должен был проводить и все это показать. В ВАСХНИЛе к тому времени были арестованы почти все: первый президент А. И. Муралов, президент Н. И. Вавилов, один из вице-президентов Г. К. Мейстер, ученый секретарь Л. С. Марголин. На стук я открыла дверь: передо мной стоял военный в длинной шинели, как тогда носили, и в фуражке с красным околышем. Других людей видно не было. «Квартира Завадовского?» — «Да». Военный протянул мне бумагу. Когда я вошла в кабинет к папе, он сидел на кровати без очков, что бывало очень редко, и поэтому взгляд его близоруких глаз показался мне особенно незащитным. Я передала ему бумагу. Это оказался ... пропуск на Красную площадь, на парад. Да, случай... А этот военный, может быть, и арестовывал, и развозил билеты — кому что выпало в тот день в пять часов утра.

Леонид Викторович сказал: «Ведь Михаил Михайлович был совсем не агрессивным человеком», и мы вспомнили его единственное ругательство: «Ах, какой замечательный подлец!» — говорил папа и разводил руками. А в голосе была не злость, а скорее недоумение и удивление, что такие люди вообще есть.

Лишь в 1954 г. Михаилу Михайловичу предложили работу в Институте животноводства. Была восстановлена маленькая лаборатория с небольшим количеством сотрудников. Сейчас ее возглавляет профессор Ю. Д. Клинский, и она продолжает успешно работать. А папе только на три года удалось вернуться к любимой работе, любимой науке.

В марте 1957 г. его не стало. Был он очень нежным и заботливым отцом и замечательным дедом двум моим сыновьям.

Книгу его воспоминаний «Страницы жизни» (в рукописи — «Жизнь Боева») удалось опубликовать в издательстве МГУ в 1991 г.

После смерти Михаила Михайловича, в 1963 г., вышла и его монография «Теория и практика гормонального метода стимуляции многоплодия сельскохозяйственных животных», набранная еще в 1948 г., а затем рассыпанная в типографии после сессии ВАСХНИЛ.

М. М. Завадовский с женой Александрой Ивановной, дочерью Мариной Михайловной и внуком Александром. Июль 1949 г.

«Избранные труды» Михаила Михайловича опубликованы в серии «Классики отечественной сельскохозяйственной науки» (Москва: ВО «Агропромиздат», 1990).

Научная школа Завадовского дала много известных ученых. В их числе профессора Б. П. Токин, открывший фитонциды, Л. В. Крушинский, занимавшийся высшей нервной деятельностью животных (во время войны он готовил собак, подрывавших танки), Б. А. Кудряшов, создавший препарат, понижающий свертываемость крови, Н. А. Ильин, И. А. Эскин, Л. Я. Бляхер, М. С. Мицкевич, Т. А. Детлаф, М. А. Воронцова, П. А. Вундер и многие, многие другие. Это только профессора, которых было более тридцати — сотрудников и учеников Михаила Михайловича. Он никогда не требовал от них жестко придерживаться лишь его тематики, что позволяло им делать успехи в различных областях науки.

Лаборатория экспериментальной биологии пользовалась известностью в мире науки. В предвоенные годы коллектив лаборатории принимал у себя таких ученых, как Шаксель, Р. Гольдшмидт, Э. Баур из Германии, Каммерер и Гофштеттер из Австрии, Эванс, Иеркс, Л. К. Ден, Ингл, Ридл из Америки, Бенуа, Анри из Франции, Д. Хеммонд из Англии, ученых Болгарии, Бразилии, Бельгии, Аргентины и других стран.

На заседании, посвященном 90-летию Михаила Михайловича, многие на-

звали его рыцарем в науке и в жизни. В годы, когда генетику предавали анафеме, Михаил Михайлович писал о заслугах и величии науки, о Тимирязеве, Павлове, Менделееве, о Менделе, Вейсмане и Моргане. Он называл генетику наукой будущего и был среди тех истинных ученых, которые отстаивали чистоту науки и человеческую порядочность. Он делал это с большим достоинством, стойко и самоотверженно, защищал при этом не только собственные убеждения, но и науку будущего, завтрашний день. Особую тревогу у него вызывали те деформации, которые могут произойти в умах научной молодежи. Папа как-то сказал знакомому журналисту А. Шарову: «Я-то что, хоть и немного, но успел все же сделать... Жалко студентов. Им сейчас ужасно трудно не запутаться. А если они запутаются, как трудно будет потом выпутываться науке. Впрочем, я в своих ребят верю».

Вскоре после смерти папы нам позвонил Антон Романович Жебрак. У папы всегда были с ним очень теплые дружеские отношения. Он предложил помощь маме и мне в любой жизненной ситуации. Его доброта и внимание были неоценимы. И в возникшем через некоторое время жизненном осложнении помог именно Антон Романович. Как-то, уже в 1965 г., он позвонил и пригласил на диспут между лысенковцами и их противниками. Диспут был устроен по инициативе Жебрака и проходил в Доме журналиста. Было это почти перед самой его смертью. Внизу, в холле, Антон Романович встретил меня с билетом. Я видела, как он волновался — и когда выступал сам, и когда слушал. Лысенковцы вели себя нагло, но ветер дул уже не в их сторону. Тогда же Жебрак рассказал мне о визите академика Н. Н. Семенова к Хрущеву. Когда Семенов получил Нобелевскую премию, его, как заведено во всех странах, должен был принять глава государства. Жебрак и многие другие просили Семенова поговорить с Хрущевым о Лысенко, сказать ему, что Россия теряет уважение в других странах, а ученые — связи с зарубежной наукой, что нельзя поддерживать это ничтожество и невежество. На встрече с Хрущевым Семенов говорил о своих проблемах, а потом завел речь о Лысенко. Хрущев, почти оборвав его, сказал: «Да, мы поддерживаем Лысенко». И тогда Семенов заговорил о серьезных трудностях, связанных с Лысенко. Хрущев заложил руки за спину и ушел к окну. Долго стоял, глядя в окно, а потом повернулся к Семенову и, махнув рукой, бросил: «Ну, хорошо, мы не будем его поддерживать». Слово сдержал. В Академии наук появилась возможность заниматься настоящей биологией — правда, не в лысенковском Биоотделении, а лишь «под крышей» физиков и химиков. И все же закат Лысенко начался. Так делается наша российская история.

Папа был очень честным и очень цельным человеком. Свою книгу воспоминаний он закончил словами: «Можно доверять только научно-методически подготовленным лицам, а главное — честным. Я не сомневался, что мы должны победить. Вопрос только в том — живые или мертвые».

К сожалению, до лучших времен отец не дожил.